

УДК 811.161.1'42; 82-32

**ВНУТРИТЕКСТОВАЯ КОММУНИКАЦИЯ В МАЛОЙ ПРОЗЕ В.М. ШУКШИНА:
ЭВОКАЦИОННОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ КРИЗИСНОЙ КОММУНИКАЦИИ В
РАССКАЗЕ «ГЕНЕРАЛ МАЛАФЕЙКИН»**

Э.В. Малыгина, А.А. Чувакин

В статье рассматривается проблема «коммуникация у Шукшина» применительно к кризисной коммуникации. Исследование проводится в русле современных идей эвокационной лингвистики, признающей взаимообусловленность текста произведения и авторской художественной модели человека и мира (R. Parolek и др.). На материале рассказа «Генерал Малафейкин» выявлены основные черты эвокации кризисной межперсонажной коммуникации («сшибки», по В.М. Шукшину), которые раскрыты на уровне текста (описаны языковые и коммуникативные знаки и признаки «сшибки») и элементов авторской художественной модели человека и мира (эвокационный прием обобщения как транслятор элементов авторской художественной модели человека и мира). Утверждается ведущая роль языка в эвокационном описании. Результаты исследования существенны для эвокационной лингвистики и филологического шукшиноведения.

Ключевые слова и фразы: *внутритекстовая коммуникация; межперсонажная «сшибка» как проявление кризисной коммуникации; эвокационный прием; малая проза В.М. Шукшина.*

**INNER TEXTUAL COMMUNICATION IN V.M. SHUKSHIN'S PROSE: EVOCATIVE
RESEARCH OF CRISIS COMMUNICATION IN THE STORY «GENERAL
MALAFEYKIN»**

E.V. Malygina, A.A. Chuvakin

Our article considers the problem of "communication in Shukshin's prose", with primary focus on crisis communication. The research is devoted to problems of evocative linguistics, which deals with the interdependence between the fictional text and the writer's representation of a human being and the whole world (R. Parolek et al.). Analysing the story "General Malafeykin" we have identified main features of evocation of the crisis in communication between characters ("collision" by V.M. Shukshin), which discovered on a text level (language and communicative signs and symptoms of "collision") and elements of the author's artistic model of the human being and the whole world (evocative means as the representation of elements of the author's artistic model of the human being and the whole world). The leading role of language in evocative description is emphasized in the article. The findings are significant for evocative linguistics and philological study of Shukshin's prose.

Key words and phrases: *inner textual communication; "collision" between characters as manifestation of crisis communication; evocative device; short prose texts by V.M. Shukshin.*

А.Д. Степанов, автор фундаментального исследования «Проблемы коммуникации у Чехова», вполне справедливо отметил необходимость «охватить всю полноту изображенной коммуникации» [Степанов 2005: 21–22]. Эта задача в современной филологии решается в разных аспектах. Так, автор приведенной формулировки избирает бахтинскую методологию: произведения Чехова рассматриваются «как продукт речевой интерференции, как

высказывания, составленные из других высказываний» [Степанов 2005: 21–22]; Н.Н. Михайлов, разрабатывая функционально-прагматическую модель художественного текста, признаёт ее основой коммуникативную модель, описывающую «отношения между текстом и другими субъектами литературного процесса» [Михайлов 2006: 33]; складывается традиция рассмотрения прозы В.М. Шукшина на пересечении филологического и коммуникативного знания при выдвигании в центр внимания феноменов диалогичности, многоязычия, бытия прозы в коммуникации (включая межкультурную) и др. [Чувакин и др. 2015]. Можно утверждать, что проблема «коммуникация у писателя» стала в современной филологии одной из самых востребованных. Более того, приведенные аспекты ее изучения демонстрируют факт аналитического рассечения проблемы на основе выделения двух предметов исследования: коммуникация внутри текста и коммуникация, выходящая за границы текста.

Настоящая работа входит в цикл публикаций ее авторов, посвященный теме «коммуникация у Шукшина» [Малыгина и др. 2011; Чувакин и др. 2015] и обращена к внутритекстовой коммуникации в рассказах писателя. Напомним, что под понятие внутритекстовой коммуникации подводятся, «во-первых, языко-речевые факты, традиционно рассматриваемые в составе речевого слоя персонажа и / или повествователя <...>, и, во-вторых, текстовые репрезентации коммуникативных актов, осуществляемых средствами естественного языка, в том числе и в сопряжении со средствами иных знаковых систем <...>» [Чувакин и др. 2015: 4]. Существенность внутритекстовой коммуникации в рассказах писателя была отмечена еще М.О. Чудаковой: «Шукшин почти не претендует, чтобы слушали его самого. Он более всего озабочен *разговорами своих героев* (курсив мой – А.Ч.)» [Чудакова 1972: 221].

Исследование выполнено в русле эвокационных идей в филологии. Эвокационное изучение внутритекстовой коммуникации в прозе Шукшина фактически началось до распространения терминопонятия эвокация в отечественной науке о языке художественной литературы – в начальный период анализа языка прозы писателя, когда внимание исследователей было сосредоточено на разговорной и некоторых других речевых стихиях в прозе Шукшина (Л.И. Василевская, В.Ф. Горн, Л.М. Шелгунова и др.).

В середине 1990-х гг. в лингвистическом шукшиноведении начал складываться эвокационный подход. Внутритекстовая коммуникация представлена в малой прозе Шукшина двумя речевыми слоями: персонажным и повествователя – в их взаимодействии.

Некоторым обобщением результатов эвокационного изучения языка Шукшина служат диссертационные исследования и другие работы, выполненные в Алтайском государственном университете [Куляпин и др. 2014], в которых описаны композиционно-речевые структуры в прозе писателя (авторское монологическое слово, диалог, внутренняя речь персонажа, несобственно-прямая речь), показаны наиболее значимые варианты их взаимодействия. Описание это во многом осуществлено на основе понимания эвокации как деятельности воспроизведения знаков / знаковых последовательностей, что позволило исследователям выявить способы и средства субстанционального и функционального преобразования языковых знаков (разных уровней) в композиционно-речевых структурах разных типов, в рассказах различных жанровых разновидностей.

Внимание исследователей в этот же период стали привлекать типы общения, представленные в прозе писателя: фатическое (В.В. Дементьев), конфликтное (Р.М. Байрамуков, Н.Д. Голев), фактура персонажных речений (С.Н. Пешкова) и др. Эти материалы повлекли трансформации эвокационной методологии: наряду с преобразованиями знаков / знаковых последовательностей изучается воспроизведение в текстах писателя речевых, коммуникативных (коммуникативно-речевых) актов и ситуаций, что усилило интерес к самой деятельности воспроизведения, или эвокационной деятельности, персонажа, повествователя и автора. В связи с этим было подвергнуто модификации и понятие эвокации. Она стала рассматривается как один из базовых механизмов коммуникации – внутренняя составляющая коммуникативной деятельности *homo loquens* (как единства говорящего и слушающего), отвечающая за задачу конструирования действительности в тексте (сообщении, высказывании), в результате чего рождается внутритекстовая действительность [Василенко и др. 2007]. На этой базе в [Малыгина и др. 2011] скорректирован взгляд на исследование внутритекстовой коммуникации в прозе Шукшина. Эвокационная методология была распространена на исследование социально-коммуникативных отношений между персонажами малой прозы Шукшина, что позволило выявить межперсонажную «сшибку» как проявление кризисной коммуникации и выдвинуть гипотезу об обусловленности модели межперсонажной «сшибки» авторским видением системы межличностных отношений в обществе, для которого коммуникативная некомпетентность является общепризнанной доминантой жизненной сферы [Малыгина и др. 2011].

Таким образом, претерпевают изменение объект эвокационной деятельности (от знаков / знаковых последовательностей – к коммуникативно-речевому акту (ситуации) и социально-коммуникативным отношениям между персонажами) и цели эвокационного исследования (от познания продукта деятельности – к познанию самой деятельности). Происходит более глубокое проникновение эвокационного анализа в само произведение – в его внутренний мир [Демидова 2015], совокупность коммуникантов (*homo loquens*); материалом исследования избирается наряду с фрагментом текста, текст как целое.

В этих условиях оказывается существенным развитие теоретической базы эвокационных исследований. Если эвокационное изучение прозы В.М. Шукшина на начальном этапе опирается на идеи лингвистической теории эвокации Вл. Скалички [Skalička 1963], то в настоящем исследовании мы отталкиваемся от положений, высказанных чешским литературоведом и переводчиком Р. Паролеком (Radegast Parolek) в ходе корректировки им коммуникативной модели процесса художественного перевода [Parolek 1979], но имеющих значение для современной теории филологии.

Р. Паролек исходит из двухпланового представления о литературном произведении. Первый план формирует словесный текст, посредством которого писатель воссоздает свой художественный мир в наших представлениях: «*a pro čtenáře i překladatele je to vstupní brána do díla*» – «и для читателя и для переводчика это входные ворота в произведение (перевод мой – А.Ч.)». Второй план – это то, что создано: «*spisovatelův umělecký model člověka a světa*» – «авторская художественная модель человека и мира» (перевод мой – А.Ч.). Это представление значимо для переосмысления феномена эвокации и эвокационного моделирования. Р. Паролек пишет: «*Vše, co je v uměleckém textu, je funkčně podřízeno evokaci tohoto modelu (spisovatelův umělecký model člověka a světa – A. Ch.). Je jím motivováno a jen z něho plně vysvětlitelné. <...> text navozuje umělecký model a ten zas motivuje vše v textu – ale to ještě nevyklučuje i určité rozpory aslo žitosti*» [Parolek 1979: 201] – «*Всё в художественном тексте функционально подчинено эвокации этой модели (авторской художественной модели человека и мира – А.Ч.). Ею мотивировано и только ею обеспечивается полное объяснение. <...> текст индуцирует художественную модель, и она, в свою очередь, мотивирует всё в тексте, но это не исключает некоторые противоречия и сложности (перевод мой – А.Ч.)*».

В моделировании, по Паролеку, различаются соответственно план первичного моделирования – в языковых знаках (создается текстом художественного произведения) и

план вторичного моделирования – авторская художественная модель человека и мира, эвоцированная текстом в наших представлениях.

Высказанная и обоснованная ссылками на Р. Паролека гипотеза и будет доказываться последующим анализом материала. Сказанное определяет новизну и значимость нашего исследования.

Обратимся к кризисной коммуникации человека как феномену социокультурной жизни. Кризисная коммуникация, рассмотренная в работе [Малыгина и др. 2011], охватывает многообразие форм социокоммуникативного взаимодействия индивидов и представляет собой деструктивное взаимодействие индивидов, по сути своей антидиалогическое, результатом которого становится состояние коммуникативного тупика, то есть неспособности используемой модели коммуникации выполнять эффективизирующую (и тем более, оптимизирующую) функцию. Кризис коммуникации как объект эвокации проявляется в непонимании, конфликте, коммуникативных барьерах, коммуникативных неудачах и др. Для того чтобы названные проявления приобрели статус кризисной коммуникации, они должны обладать следующими признаками: системностью, внезапностью возникновения, всеохватностью, резким (острым) столкновением индивидов.

Коротко охарактеризуем эти признаки. Под системностью проявления кризиса понимается регулярность возникновения определенного факта, который влечет за собой серию деструктивных форм взаимодействия и акцентирует внимание на необходимости решения проблемы (противоречия), преодоления того, что может создавать угрозу дальнейшему существованию человека. Системность порождает мотивационную цепь признаков, создающих пространство кризисного взаимодействия. Внезапность есть свойство кризиса, вызванное неподготовленностью коммуникантов к определенному явлению либо процессу, несоответствием результата коммуникативному ожиданию. Критерий внезапности связан с всеохватностью данного явления. Всеохватность обеспечивает взаимосвязь ситуации с макродискурсивной средой и признак масштабности развития кризисогена. Резкое (острое) столкновение – это форма реализации кризисного взаимодействия индивидов, которая проявляется на фоне назревших противоречий, сопряженных с необходимостью разрушения, переосмысления, реконструкции существующей системы. Наличие одного признака, а также их возможные комбинации, определяет поле кризисогенного пространства взаимодействия субъектов. Так обстоит дело в естественной коммуникации.

Специфически шукшинским способом эвоцирования кризисной коммуникации человека как «несущей конструкции» в системе художественного текста писателя является межперсонажная «сшибка». В размышлениях об идее рассказов «Срезал» и «Верую!» В.М. Шукшин фокусирует внимание читателя на форме изображения человека в коммуникации через обращение к понятию «сшибка»: «Мне нравится вот эта сшибка совсем полярных каких-то вещей. В рассказе «Верую!» мне показалось заманчивым вот столкнуть некие представления о жизни, совсем разные» [Шукшин 1979: 246]. В дискурсе крайних ситуаций эвоцируется «столкновение» героев, отличающихся разным пресуппозитивным фондом (представлениями о жизни) в процессе взаимодействия. В рассказах 1969–1974 гг. (третий период творчества) обнаружено, что «сшибка» может приобретать кризисогенные сигналы. Далее рассмотрим явление кризисной межперсонажной коммуникации на материале совокупности фрагментов рассказа «Генерал Малафейкин».

Первый этап моделирования кризисной коммуникации осуществляется на основе обращения к словесному тексту.

Кризисная коммуникация эвоцируется системой авторских высказываний, которыми представлены а) чужеречный компонент текста; б) авторские ремарки, изображающие коммуникативно-речевую ситуацию (субъекты коммуникации, внешние условия коммуникативно-речевого акта); в) реакции персонажа – участника акта кризисной коммуникации на взаимодействие с Другим (термин М.М. Бахтина).

В словесном тексте содержатся знаки кризисной коммуникации (кризисогенные сигналы). Это – языковые и коммуникативные знаки.

Межперсонажная «сшибка» воспроизводится на уровне микроконтекста (чужеречный компонент текста в его связи с авторскими ремарками и обозначением реакции персонажа); на уровне макроконтекста (те компоненты текста как целого, с которыми взаимодействует микроконтекст) она может приобретать кризисогенные сигналы: системность, внезапность возникновения «сшибки», всеохватность, резкое (острое) столкновение индивидов. Тем самым «сшибка» становится проявлением кризисной коммуникации.

Рассмотрим средства эвокации «сшибки» и «преобразования» ее в акт кризисной коммуникации.

В рассказе «Генерал Малафейкин» представлена одна большая ситуация преследования Мишкой Малафейкина, в которой герой сознательно инициирует «сшибку» с целью

разоблачить оппонента. Далее приведем материал из следующего (составного) фрагмента рассказа:

<...> Вместе сели в метро... Мишка все следил за Малафейкиным, не знал только, как вывести на чистую воду этого прохвоста. Чуть чего, тот милицию станет звать.

В вагоне Малафейкин осторожно огляделся... И напоролся на прямой, уничтожающий Мишкин взгляд. Мишка подмигнул ему. Уши Малафейкина опять зацвели маковым цветом. Жесткий воротник кожаного пальто подпирал сзади его шляпу... Малафейкин больше не оглядывался.

На выходе из метро, на эскалаторе, Мишка опять приблизился к Малафейкину... Заговорил ему на ухо:

– Ты не ори только, не ори... Я один вопрос поставлю и больше не буду. У меня брательник в Питере такой же... придурок: тоже строит из себя. Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим? А? Я серьезно спрашиваю.

Малафейкин молчал, смотрел вверх, вперед. <...>

<...> Как эскалатор изготовился столкнуть их – вышел на прямую – Малафейкин стал искать милиционера... Мишка обогнал его и, оглядываясь, пришел раньше к автобусной остановке.

«Я тебя дома, во дворе, допеку», – решил.

Около дома, когда сошли с автобуса, Мишка опять пошел было к Малафейкину, но тот вдруг болезненно сморщился, затряс головой так, что шляпа чуть не съехала с головы, затопал ногой и закричал:

– Не подходи! Не подходи ко мне! Не подходи! – прокричал так, повернулся и скоро пошагал к дому. Почти побежал. Большой желтый чемодан с ремнями колотил его по ноге. Кожаное пальто надламывалось и приятно шумело. Шляпу Малафейкин поправил на ходу левой рукой... Не оглянулся ни разу.

Мишке чего-то вдруг стало жалко его.

– Звонарь, – сказал он негромко, сам себе. – Дача у него, видите ли. С камином, видите ли... Во звонарь-то! Они, видите ли, жить умеют... Звонари. <...> (В.М. Шукшин. Рассказы).

«Сшибка» на уровне микроконтекста эвоцируется следующими **языковыми средствами:**

– лексическими (лексемы *строить* и *корезжить*, лексема-характеризатор *прохвост*, номен *придурак*, в речевой партии Мишки адресованные Малафейкину, являются знаками инициации «сшибки»; фразеологизм *вывести на чистую воду* раскрывает коммуникативную установку Мишки; эпитетом *уничтожающий (взгляд)* воссоздается в тексте агрессивная коммуникативная стратегия Мишки; метафоры *болезненно сморщился* и *уши Малафейкина опять зацвели маковым цветом* используются для демонстрации реактивного действия Малафейкина на ситуацию конфликта с Мишкой);

– синтаксическими (конструкции с чужой речью *Мишка все следил за Малафейкиным, не знал только, как вывести на чистую воду этого прохвоста* и *Я тебя до дома допеку* эвоцируют установку персонажа на конфликтное взаимодействие с Другим; многочисленные пропозиции физического действия и психологического состояния (*больше не оглядывался; смотрел вверх, вперед; прокричал и скоро пошагал к дому; шляпу Малафейкин поправил на ходу; не оглянулся ни разу*) квалифицируют особенности неречевого поведения персонажа, подвергающегося преследованию);

– стилистическими (просторечно-разговорные лексемы *строить* и *корезжить*, *придурак* в речевой партии Мишки усиливают агрессивную речевую манеру персонажа; лексемой *дopeчь* в конструкции с чужой речью вводится номинация конфликтного по форме характера «сшибки»; повтором неопределенно-личных предложений в речевом слое Малафейкина (*Не подходи! Не подходи ко мне! Не подходи!*) эвоцируется речевая самозащита персонажа в конфликтном дискурсе).

Приведенные языковые средства создания «сшибки» эвоцируют такой деструктивный (конфликтный по форме) способ взаимодействия персонажей, в котором один из них получает коммуникативный статус агрессора (Мишка), а другой – жертвы (Малафейкин). Обращение к макроконтексту позволяет установить сигналы кризисогенности межперсонажной «сшибки».

Признак **системности** возникновения «сшибки», выражающийся в регулярности ее возникновения, эвоцируется посредством местоимения с частицей *такой же*. Оно воссоздает повторяемость факта сознательного преувеличения персонажами социального статуса, что порождает «сшибку», то есть является конфликтогеном. В связи с этим в речевой партии Мишки номинация персонажа по признаку родства (*брат*) заменяется просторечной лексемой *брательник*, приобретающей здесь негативную коннотацию. Сравнительный оборот *У меня брательник в Питере такой же... придурак* эвоцирует

увеличение числа участников межперсонажной «сшибки», которая эксплицируется на основании факта неприятия Мишкой ложного представления действительности *брательником из Питера* и Малафейкиным.

Признак **внезапности** возникновения «сшибки», проявляющийся в неподготовленности коммуниканта к речевой агрессии Другого, эвоцируется преимущественно посредством пропозиций физического действия и психологического состояния, включенных в речевую партию повествователя: *напоролся на прямой, уничтожающий Мишкин взгляд; уши Малафейкина опять зацвели маковым цветом; болезненно сморщился, затряс головой так, что шляпа чуть не съехала с головы, затопал ногой и закричал*. Эти высказывания дают реакцию Малафейкина на речевую агрессию Мишки. Эвоцирование высокого эмоционального напряжения персонажа раскрывает прогнозирование Малафейкиным опасности взаимодействия с Мишкой. В речевой партии повествователя изображена специфика неречевого действия героя (*Малафейкин стал искать милиционера*), которого отличает неспособность самостоятельно преодолеть деструктивность акта коммуникации в связи с неподготовленностью к «сшибке».

Признак **всеохватности** «сшибки» как показатель кризисогенности актуализирует ее способность переходить на другие сферы жизни героя либо на других персонажей.

Языковыми сигналами признака всеохватности «сшибки» являются формы множественного числа имени существительного и личного местоимения. В начальной реплике Мишки *Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим? А?* посредством вопросительных конструкций эвоцируется экспликация ранее произошедшей «сшибки» между Мишкой и его братом. Личное местоимение *вы* в форме множественного числа позволяет квалифицировать двух конкретных адресатов сообщения (Малафейкина и *брательника из Питера*). В финальной реплике Мишки форма местоимения второго лица множественного числа заменяется формой третьего лица множественного числа (*Они, видите ли, жить умеют...*). Местоимение *они* указывает уже не на конкретных, а на неопределенных персонажей, не принимающих участие в речи. Трансформация лексемы «звонарь» в лексему, приобретающую грамматическую категорию множественного числа «звонари», становится знаком погашения индивидуальной адресованности высказывания персонажа: «сшибка» в данном рассказе распространяется на нескольких (языковой маркер местоимение *вы*) и большее число (языковой маркер местоимение *они*) персонажей в связи с повторяемостью ситуации ложного представления действительности.

Кризисогенный **признак резкого (острого) столкновение индивидов**, реализующийся в разрушении существующей модели коммуникации либо в неприятии Другого как полноправного субъекта коммуникации, эвоцируется в межперсонажной «сшибке» посредством комплекса языковых средств.

Фразеологизм *вывести на чистую воду этого прохвоста* и просторечная лексема *допечь* в чужеречных компонентах текста квалифицируют активную интенциональную установку Мишки: разоблачить персонажей, сознательно преувеличивающих свою социальную роль и тем самым разрушить их желание встать над Другим. Просторечно-фамильярными лексемами с негативной коннотацией *корежить*, *брательник*, *придурак* в речевой партии персонажа и *прохвост* в речевой партии автора-повествователя эвоцируется открытое неприятие Мишкой Малафейкина.

Знаками резкости (остроты) «сшибки» являются комбинацией ты-обращения (*Ты не ори только, не ори...*) и просторечной лексемы *орать*. Указанные средства языка в начальной фразе Мишки эвоцируют ситуацию, в которой отсутствует вежливое отношение к оппоненту. Повтор просторечной лексемы *орать* актуализирует сознательное пренебрежение Мишкой Другого как полноправного субъекта коммуникации. Формы множественного числа имени существительного и личного местоимения третьего лица множественного числа в репликах Мишки (*Они, видите ли, жить умеют... Звонари*) воспроизводят «сшибку», в которой есть погашение индивидуальности Другого (Малафейкина). Номинация героя *звонарь* становится знаком отступления от индивидуализации человека, включение его в группу, класс, слой, вид. Лексема *звонарь* приобретает в тексте дополнительный оттенок значения: номинацию человека, который говорит неправду, много придумывает.

Знаком кризисогенного признака резкости (остроты) «сшибки» является лексема *уничтожающий* (о взгляде), которая раскрывает бескомпромиссную установку преследователя в отношении к оппоненту.

Повтором реплик, принадлежащих Малафейкину (*Не подходи! Не подходи ко мне! Не подходи!*), эвоцируется акт психологической защиты от Другого. Повтор однокоренных лексем *милиция* (*Чуть чего, тот милицию станет звать*) и *милиционер* (*Малафейкин стал искать милиционера*) в конструкциях с несобственно-прямой речью квалифицирует неспособность персонажей избежать «сшибки». Отсылка к третьему лицу (милиционеру) раскрывает потенциальную опасность «сшибки» Мишки и Малафейкина.

Таким образом, эвоцируемые в межперсонажной «сшибке» посредством языковых знаков признаки системности, внезапности возникновения «сшибки», всеохватности и резкого (острого) столкновения персонажей квалифицируют ее кризисогенный характер.

Продемонстрируем **коммуникативные средства**, эвоцирующие «сшибку».

В «сшибке» обнаруживается нарушение главным героем (Малафейкиным) максимы качества информации (принцип кооперации). Это обуславливает особенности речевой и коммуникативной манеры Мишки. Фразеологизм *вывести на чистую воду* является знаком активной коммуникативной стратегии персонажа, который предстает в «сшибке» как герой-преследователь.

Ведущей стратегией, квалифицирующей коммуникативные действия Мишки в изображенной ситуации, является дискредитация. Ее речевые действия направлены на то, чтобы «подорвать доверие, вызвать сомнение в положительных качествах кого-либо» [Иссерс 1999: 161]. Дискредитация одного персонажа другим эвоцируется в рассказе посредством тактики преследования (признак резкого столкновения героев). Острота столкновения персонажей моделируется посредством тактик осуждения и оскорбления (лексемы *звонарь*, *придурак*). Выбор лексемы *звонарь* в речевой партии Мишки в форме множественного числа квалифицирует акт поляризации персонажей внутритекстовой коммуникации, на одной стороне которой «Я», на другой – *Звонари*. Резкость столкновения персонажей в представленном фрагменте детерминирует антидиалогический характер внутритекстовой коммуникации.

Нарушение принципа Вежливости (максимы такта) эвоцируется с помощью ввода вопросительных высказываний персонажа: *Я один вопрос поставлю и больше не буду. У меня брательник в Питере такой же... придурак: тоже строит из себя. Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим?* Анафорический способ организации реплик героя создает такую ситуацию, в которой показано вторжение в личное пространство Другого (Малафейкина) как способ решения внутрисемейной проблемы. Неудачное взаимодействие Мишки с братом и с Малафейкиным – коммуникативный знак системности и всеохватности «сшибки».

Посредством пропозиций качественной характеристики, выраженных наречием и именем прилагательным (*осторожно огляделся; напоролся на прямой, уничтожающий Мишкин взгляд; уши зацвели маковым цветом; больше не оглядывался; молчал; смотрел вверх, вперед*), эвоцируется признак внезапности «сшибки». Молчание Малафейкина

выступает сигналом сильной психологической подавленности, испытываемой персонажем, который избегает прямого зрительного контакта с Другим в связи с неподготовленностью к столкновению. Как отмечает И.Б. Ковалёва, «субъект не может выдержать пристального взгляда партнера, который воспринимается как форма психологического давления: он всегда как бы “уходит”, “убегает” из-за чувства слабости, неуверенности, из-за боязни, слишком большой скромности или робости, какого-либо чувства вины» [Ковалёва 2012: 120].

Отмеченный ряд коммуникативных сигналов (стратегия дискредитации Другого, тактика преследования, нарушение принципов кооперации и вежливости), диагностированных в «сшибке» с помощью средств языка, является дополнительными показателями ее кризисогенности. Персонажи коммуникативно не равноправны. Речевые партии персонажей не равнообъемны: «жертве» дискредитации (Малафейкину) в «сшибке» принадлежит только одна реплика (*Не подходи!*); способностью к осуществлению речемыслительной деятельности наделяется коммуникативный агрессор (Мишка).

Таким образом, на первом этапе моделирования выявлены сигналы «сшибки» и определен ее кризисогенный характер. Аналитическая работа проведена при постоянном обращении к тексту, в котором найдены знаки разных типов.

Второй этап моделирования направлен на установление авторской художественной модели мира и человека и ее способности «мотивировать всё в тексте». На этом этапе раскрывается сущность эвокационного приема в его связи с эстетикой В.М. Шукшина; рассматриваются способности эвокационного приема обобщения (по условиям места, к другим приемам в статье мы не обращаемся) мотивировать средства эвокации кризисогенного сигнала «сшибки»; сосредоточивается внимание на особенностях авторской художественной модели мира и человека и выявлении их смыслообразующей функции. Роль языка в моделировании на каждом этапе, в соответствии с концепцией Р. Паролека, остается ведущей.

Эвокационный прием в лингвистической теории эвокации оценивается как «функционально-значимое средство художественного текста» [Чувакин 2014: 100]. Особенность его функциональной нагрузки состоит в способности «рассматриваться в целостном художественном тексте» [Чувакин 2014: 101], то есть быть эстетически значимым компонентом текста. Эвокационный прием, при исследовании проблемы кризисной коммуникации, есть «способ преобразования объекта эвокации в продукт эвокации (текстовый фрагмент, который приобретает признаки кризисогенности межперсонажного

взаимодействия), с помощью средств вербальной и невербальной коммуникации» [Малыгина 2013: 86]. Эвокационный прием связан с эвоцированием авторской художественной модели мира в представлениях читателя. Выявлены следующие эвокационные приемы в рассказах В.М. Шукшина «третьего» периода: нелестной номинации, обобщения, прерывания речи, смещения [Малыгина 2013; Чувакин и др. 2015]. Эти приемы имеют коммуникативную природу и соотносятся с авторской художественной моделью мира и человека: они связаны с наблюдениями Шукшина за явлениями социальной и коммуникативной жизни людей (наличие / отсутствие доброты во взаимодействии людей, отведение «сшибке» функции идентификатора человеческих отношений), с системой этических представлений автора об обществе и с пониманием задач искусства (выдвинуть в центр искусства простого человека и «не умертвить жизнь» [Шукшин 1979: 37]). Например, прием нелестной номинации как элемент авторской модели мира выявляется в связи с размышлением писателя об обществе будущего и о категории доброты – главной этической составляющей гармонизации взаимодействия людей. Отсутствие доброго отношения к человеку эвоцируется в рассказах посредством стилистически сниженных, просторечно-бранных номинаций персонажей. Прием прерывания речи связан с понятием «сшибка» в эстетике писателя как формы поляризации «представлений о жизни». Этот прием устанавливается в рассказах в ситуации «столкновения» героев и насильственного лишения Другого права на слово. Поэтому прерывающая реплика в изображаемой писателем «сшибке» наделяется всегда семантически и коммуникативно-сильной позицией. Прием обобщения подчинен центральной задаче В.М. Шукшина выдвинуть в центр внимания искусства дела человека. Результатом преобразования «сшибки» посредством данного приема является типизация, схематизация героя, включение героя в группу, социальный класс. Действием приема обобщения детерминируется феномен «странности» шукшинского героя – «чудика», «психопата» в ситуации отсутствия доброты. Прием смещения связан с реализацией принципа краткости прозаического языка, которая обуславливается эстетической установкой писателя – изобразить живую жизнь. Прием смещения эвоцирует кризисогенные сигналы «сшибки» в ситуациях обиды на Другого, измены близкого человека, проявления грубости, семейной драмы, нереализованной жизненной ценности и др., раскрывающих источники «чужачества» шукшинского персонажа.

Каждый эвокационный прием имеет субстанциональное и функциональное основания в их взаимных связях. Субстанциональное основание связано со способом построения

продукта эвокации. Функциональная нагрузка детерминирует преобразование объекта эвокации в продукт в соответствии с этическими взглядами писателя (данная особенность связана с уровнем мотивации текста – с авторской художественной моделью человека и мира).

Продemonстрируем способность **эвокационного приема обобщения** «мотивировать всё в тексте» (средства эвокации сигнала кризисогенности «сшибки»; элементы авторской художественной модели мира и человека и их основную смысловую нагрузку) на материале приведенного фрагмента рассказа «Генерал Малафейкин».

Прием обобщения представляет собой «способ преобразования акта кризисной коммуникации (объекта эвокации) во фрагмент текста (продукт эвокации), субстанциональная природа которого представлена речевой партией повествователя или речевой партией персонажа, посредством которого эвоцируется резульативный аспект межперсонажной коммуникации» [Малыгина 2013: 112]. Во фрагменте рассказа эвокационный прием обобщения мотивирует средства эвокации кризисогенного сигнала всеохватности межперсонажной «сшибки». Приведем материал.

Основными языковыми средствами эвокации сигнала кризисной коммуникации, осуществляемого посредством приема обобщения, являются имена существительные, глаголы и местоимения в форме множественного числа в структуре общеинформативных высказываний, обобщенно-личных высказываний и т.д. Функционирование в тексте приема обобщения в ситуации «сшибки» обозначают лексические единицы с семантикой множественности. Как показал анализ материала на первом уровне, имена существительные (*звонари*), глагольные лексемы (*из себя корежит, добиваетесь этим, жить умеют*), дейктические лексемы (*вы, они*) в грамматической форме множественного числа, общеинформативные высказывания (*Они, видите ли, жить умеют... Звонари. Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим?*) подчинены эвоцированию кризисогенного сигнала всеохватности «сшибки». Эти средства эвокации квалифицируют увеличение числа персонажей (*брательника из Питера и Малафейкина*) конфликтного по форме, но кризисного по сути взаимодействия.

Функциональная нагрузка приема обобщения заключается в его способности транслировать элементы авторской художественной модели мира, обуславливающие смысловую структуру целого текста.

Эвоцируемая ненависть персонажей в рассказе «Генерал Малафейкин» к Другому определяется не столько «тоской по социальной реализации» [Левашова 1999], сколько нарушением проявлений морально-этических качеств, способствующих оптимизации взаимодействия. Через эвокационный прием обобщения воссоздается универсализация отсутствия доброты по отношению к человеку. По мысли Шукшина, «общество, где все добры друг к другу, – это прекрасно. Еще более прекрасно, наверно, когда все и добры и образованны, но это – впереди» [Шукшин 1979: 115]. Основной характерологической чертой межличностных отношений для Шукшина оказывается этическая категория доброты (ее значимость в эстетике писателя показана выше). Один из элементов шукшинской художественной модели мира и человека базируется на отсутствии доброты в обществе. В рассказе «Генерал Малафейкин» способность эвокационного приема обобщения воспроизводить кризисогенный признак всеохватности межперсонажной «сшибки» проявляет ситуацию острого дефицита доброты в акте межперсонажной коммуникации. Иначе говоря, эвокационный прием является способом актуализации эстетической установки автора. Наличие в текстовом фрагменте фразеологических сочетаний *вывести на чистую воду этого прохвоста, донечь* квалифицирует сигналы нетерпимости Мишки к явлениям, охватывающим сферу личной жизни Другого. Отсутствие доброты как обязательного условия успешного взаимодействия персонажей эвоцируется в основных сюжетных сценах рассказа: узнавание Малафейкина в вагоне, встреча персонажей на эскалаторе, общение во дворе. Названные ситуации объединяет неприятие одним персонажем Другого (Других). Глобализация недоброго отношения эвоцируется в межперсонажной «сшибке» посредством грамматической категории множественного числа именных, глагольных лексем, дейктических средств (языковые сигналы) и нарушения максимы такта (коммуникативный сигнал), выявленных на первом этапе моделирования текста.

Форма множественного числа именных и глагольных лексем (*звонари, корежите, вы, они*), составляющих субстанциональную сторону приема обобщения, позволяет реализовать всеохватность развития «сшибки» как социо-коммуникативного явления.

Ситуация преследования Мишкой лгуна Малафейкина на идейном уровне произведения связана с реализацией эстетики Правды В.М. Шукшина. Категория Правды является вторым важным элементом авторской художественной модели мира и человека в исследуемом рассказе. Данный феномен направлен на «раскрытие жизни изнутри» [Изотова 2007: 346].

Межперсонажная «сшибка» в анализируемом рассказе – это основная форма внутритекстовой коммуникации, раскрывающая процесс поиска героями Правды. По замыслу писателя, назначением «сшибки» является включение людей в такую ситуацию, «где бы они решали вопросы бытия, правды. Рассуждать, размышлять, человеческое волнение...» [Шукшин 1979: 265]. Столкновение разных представлений о жизни, согласно Шукшину, является необходимым условием решения вопросов бытия, своеобразным стимулятором процесса самоидентификации, поиска правды. Вопросительные реплики Мишки *Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим?* маркируют семантику поиска Правды как необходимого условия оптимизации взаимодействия персонажа с братом и с окружающими.

В рассказе «Генерал Малафейкин» ситуация поиска героем Правды эвоцируется через деструктивную модель коммуникации, для которой характерна поляризация персонажей: *Мишки и Звонарей*.

Эвоцируемый посредством приема обобщения кризисогенный признак всеохватности «сшибки» актуализирует неспособность Мишки решить вопросы Правды и бытия в силу того, что в системе рассказа персонажи изображены неравноправными в коммуникативном плане: эвоцируемые агрессивность Мишки и беззащитность Малафейкина в межперсонажной «сшибке» становятся показателями отсутствия диалогического взаимодействия персонажей. Исследуемый составной фрагмент текста, таким образом, определяет сюжетно-смысловой центр целого рассказа: поиск героем Правды. В «сшибке», приобретающей кризисогенный характер, эвоцируется следующая особенность актов речевого взаимодействия персонажей, блокирующая возможность выявления Правды: невербальные действия Мишки (*прямой, уничтожающий взгляд*) и многочисленные вопросительные реплики персонажа (*Я один вопрос поставлю и больше не буду. У меня брательник в Питере такой же... придурок: тоже строит из себя. Чего вы из себя корежите-то? Чего вы добиваетесь этим? А? Я серьезно спрашиваю.*) инициируют антидиалогические невербальные действия Малафейкина (молчание, стремление избежать прямого визуального контакта, отведение взгляда) и единственную императивную реплику с семантикой самозащиты (*Не подходи!*).

В кризисогенной «сшибке» посредством приема обобщения эвоцируется такая модель коммуникации, в которой моральное подавление человека сигнализирует о тотальном неблагополучии коммуникативных процессов в условиях доминирования «Правды»

отдельного персонажа (Мишки). Поэтому в рассказе «Генерал Малафейкин» «сшибка» завершается речевым высказыванием персонажа, которое приобретает рематически сильную позицию (*Они, видите ли, жить умеют... Звонари*) и раскрывает неприятие Мишкой Других (*Звонарей*). Прием обобщения в данном рассказе эвоцирует нейтрализацию индивидуальности Другого как субъекта коммуникации. Поэтому в рассказе у персонажа, «помещенного» в ситуацию речевой агрессии, нет имени; номинация персонажа осуществляется посредством фамилии *Малафейкин* и лексемы-характеризатора *Звонарь*.

Посредством приема обобщения на смысловом уровне текста «сшибка» сигнализирует о невозможности поиска Правды по причине разного коммуникативного статуса героев.

Воспроизведенные посредством эвокационного приема обобщения деструктивные формы взаимодействия персонажей в других рассказах «третьего» периода творчества В.М. Шукшина («Вечно недовольный Яковлев», «Хмырь», «Други игрищ и забав», «Сураз», «Боря», «Страдания молодого Ваганова» и др.) стягиваются вокруг одного кризисогенного признака «сшибки»: всеохватность коммуникативного дистанцирования персонажей в ситуациях «погашения» значимости Другого как полноправного субъекта взаимодействия. Поэтому в текстах рассказов представлены номинации коммуникативных типов персонажей (*дуры, Деятель, Тихушница, Рыжая, здоровячка, потребительница, эгоистка* и др.), но не номинации индивидов.

Подведем итоги.

Исследование внутритекстовой коммуникации в малой прозе В.М. Шукшина способствует раскрытию фундаментальной особенности лингвистической поэтики прозы писателя: важнейшим способом производства смысла выступает взаимообусловленность словесного текста и авторской художественной модели человека и мира. Анализ кризисной коммуникации как объекта эвокации в одном рассказе («Генерал Малафейкин») позволил осуществить сопряжение языковых и коммуникативных знаков «сшибки», ее признаков; элементов авторской художественной модели человека и мира, которые транслируются посредством эвокационного приема обобщения. Это сопряжение и определяет всю систему текста рассказа. Эвокация «сшибки» посредством приема обобщения в рассказе обеспечивает объяснение агрессивной реакции персонажа на ситуацию лжи, раскрывает центральную эстетически значимую для В.М. Шукшина установку изобразить «живую жизнь», мотивирует выбор писателем языковых и коммуникативных средств эвоцирования

ситуации ненависти к Другому как явлению социальной действительности. В избранном тексте наблюдается функционально-смысловая нагруженность лексем, словосоединений, высказываний: недаром при описании языковых и коммуникативных средств на каждом уровне моделирования имеют место многочисленные текстовые повторения при относительно ограниченном числе экземпляров названных разновидностей материала. В этой, мы бы сказали, функционально-смысловой плотности текста (и элементов текста!) видится еще один, дополнительный к основному, способ порождения смысла, составляющий еще одну особенность лингвопоэтики шукшинского текста.

Полученные содержательные результаты оказались возможными благодаря проведению исследования в русле современных идей эвокационной лингвистики. Важно, что концепция Р. Паролека, к которой мы обратились в нашей работе, исходит из принципа двуплановости литературно-художественного произведения, признаёт ведущую роль языка при моделировании в обоих планах, обеспечивает проникновение в систему текста. Адекватным инструментом, в котором «сходятся» внешнее и внутреннее в произведении, стал эвокационный прием; в нашем случае прием обобщения. Этот прием обуславливает отбор средств для эвокации кризисогенной «сшибки», транслирует элементы авторской художественной модели человека и мира (отсутствие доброты и затруднение поиска Правды), определяет их влияние на смысловую структуру целого текста, ядро которой составляет «погашение» индивидуальной значимости Другого как субъекта коммуникации в ситуации доминирования «Правды» отдельного персонажа.

Эвокация выступает тем движителем, который создает и поддерживает коммуникативную жизнь произведения. В филологическом шукшиноведении возникает перспектива эвокационного изучения коммуникации, выходящей за границы текста (т.н. «внешнетекстовой коммуникации»).

Список литературы

Василенко Т.Н., Ожмегова Ю.В., Савочкина Е.А., Сим О.А., Чувакин А.А. Новые возможности лингвоэвокационных исследований // Сибирский филологический журнал. 2007. № 3. С. 83–95.

Демидова Е.В. Факторы воспроизведения языковых компонентов внутреннего мира текстов рассказов В.М. Шукшина при переводе с русского на английский язык. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 192 с.

Изотова Н.В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А.П. Чехова. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 246 с.

Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Омск: Омск. гос. ун-т, 1999. 285 с.

Ковалева И.Б. Языковая репрезентация "человека телесного" в художественной прозе В.М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук. Уфа, 2012. 230 с.

Куляпин А.И., Чувакин А.А. Шукшиноведение в работе диссертационных советов Алтайского государственного университета // Филология и человек. 2014. № 2. С. 7–20.

Левашова О.Г. Генерал Малафейкин // Творчество В.М. Шукшина в современном мире. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 1999. С. 277–279.

Малыгина Э.В. Кризисная межперсонажная коммуникация в текстах рассказов В.М. Шукшина: лингвоэвокационное исследование: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2013. 211 с.

Малыгина Э.В., Чувакин А.А. «Сшибка» в межперсонажной коммуникации в рассказе В.М. Шукшина «Обида» // Шукшинский вестник. Барнаул, 2011. С. 73–85.

Михайлов Н.Н. Теория художественного текста. М.: Академия, 2006. 224 с.

Степанов А.Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянской культуры, 2005. 400 с.

Чувакин А.А. Смешанная коммуникация в художественном тексте: основы эвокационного исследования. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2014. 138 с.

Чувакин А.А., Демидова Е.В., Малыгина Э.В. Творчество В.М. Шукшина в пространстве коммуникации. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. 132 с.

Чудакова М. Заметки о языке современной прозы // Новый мир. 1972. № 1. С. 212–245.

Шукшин В.М. Точка зрения. Барнаул: Алт. кн. изд-во, 1979. 544 с.

Parolek R. Evokace uměleckého modelu světa v překladu: O tom, co se vlastně překládá. Československá rusistika. XXIY. 1979. №5. Pp. 198–205.

Skalička V. Evokace jako problem jazyka a literatury. Slovo a Slovesnost. XXIY. 1963. №I. Pp. 20–24.

References

Vasilenko T.N. Ozhmegova JY.V., Savochkina E.A., Sim O.A., Chuvakin A.A. Novyje vozmozhnosti lingvoehvokatsionnykh issledovaniy [The new opportunities of linguo-evocative study]. *Sibirskij filologicheskij zhurnal*. 2007. № 3. Pp. 83–95.

Demidova E.V. Faktory vosproizvedeniya yazykovykh komponentov vnutrennego mira tekstov rasskazov V.M. Shukshina pri perevode s russkogo na anglijskij yazyk [Factors of linguistic representation of the inner world of Shukshin's stories while translating from Russian into English]. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2015. 192 p.

Issers O.S. Kommunikativnye strategii i taktiki russkoj rechi [Communicative strategy and tactics of the Russian speech]. Omsk: Omsk State Univ. Publ., 1999. 285 p.

Izotova N.V. Dialogicheskaya kommunikatsiya v yazyke khudozhestvennoj prozy A.P. Chekhova [Dialogical communication in the language of A.P. Chekhov's fiction]. Rostov-on-Don: NCSC HS Publ., 2006. 246 p.

Kovaleva I.B. Yazykovaya reprezentatsiya "cheloveka telesnogo" v khudozhestvennoj proze V.M. Shukshina [Language representation of the "human being" in V.M. Shukshin's prose]. Ufa, 2012. 230 p.

Kulyapin A.I., Chuvakin A.A. Shukshinovedenie v rabote dissertatsionnykh sovetov Altajskogo gosudarstvennogo universiteta [Studies of Shukshin's prose in the work of the dissertation councils of Altai State University]. *Filologiya i chelovek*. 2014. № 3. Pp. 7–20.

Levashova O.G. General Malafejkin. [General Malafeykin]. *Tvorchestvo V.M. Shukshina v sovremennom mire*. [V.M. Shukshin's prose in the modern world]: collection of papers. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 1999. Pp. 277–279.

Malygina E.V. Krizisnaya mezhpersonazhnaya kommunikatsiya v tekstakh rasskazov V.M. SHukshina: lingvohvokatsionnoe issledovanie [Crisis communication between characters in V.M. Shukshin's stories: linguoevocative study]. Barnaul, 2013. 211 p.

Malygina E.V., Chuvakin A.A. «Sshibka» v mezhpersonazhnoj kommunikatsii v rasskaze V.M. Shukshina «Obida» [Communicative «collision» in V.M. Shukshin's story «Grudge»]. *SHukshinskij vestnik*. Barnaul, 2011. Pp. 73–85.

Mikhajlov N.N. Teoriya khudozhestvennogo teksta [Theory of fiction]. M.: Akademiya Publ., 2006. 224 p.

Stepanov A.D. Problemy kommunikacii u Chekhova [Communication problems in Chekhov's prose]. M.: Yazyki slavyanskoj kul'tury Publ., 2005. 400 p.

Chuvakin A.A. Smeshannaya kommunikatsiya v khudozhestvennom tekste: osnovy ehvokatsionnogo issledovaniya. [Miscellaneous communication in fiction: bases of evocative study]. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2014. 138 p.

Chuvakin A.A., Demidova E.V., Malygina E.V. Tvorchestvo V.M. SHukshina v prostranstve kommunikatsii [V.M. Shukshin's prose in communication space]. Barnaul: Altai State Univ. Publ., 2015. 132 p.

Chudakova M. Zametki o yazyke sovremennoj prozy. [Notes about the language of modern prose]. *Novyj mir*. 1972. № 1. Pp. 212–245.

Shukshin V.M. Tochka zreniya [Point of view]. Barnaul: Altai Book Publ., 1979. 544 p.

Parolek R. Evokace uměleckého modelu světa v překladu: O tom, co se vlastně překládá. *Československá rusistika*. XXII. 1979. № 5. Pp. 198–205.

Skalička V. Evokace jako problem jazyka a literatury. *Slovo a Slovesnost*. 1963. XXII. № I. Pp. 20–24.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

Малыгина Элеонора Владимировна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка
Алтайский государственный университет
Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: ehleonoramalygina@yandex.ru

Чувакин Алексей Андреевич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общей и прикладной филологии, литературы и русского языка
Алтайский государственный университет
Россия, 656049, Барнаул, пр. Ленина, 61
E-mail: chuvakin@inbox.ru

ABOUT THE AUTHORS:

Malygina Ehleonora Vladimirovna, PhD of Philology, Senior Teacher of the Department of General and Applied Philology, Literature and the Russian Language
Altai State University
61 Lenin avenue, Barnaul 656049 Russia
E-mail: ehleonoramalygina@yandex.ru

Chuvakin Alexey Andreevich, Doctor of Philology, Full Professor, Professor of the Department of General and Applied Philology, Literature and the Russian Language
Altai State University
61 Lenin avenue, Barnaul 656049 Russia
E-mail: chuvakin@inbox.ru